

2.

Почему бы Виктору Чугунову вместо часа не провести с сыном два? Ведь у Валерика за день набирается столько вопросов, сколько просьб к отцу, что, право, стоит на них потратить вы свобождившееся время...

Какие планы у Валерика? Огромные... Надо «реинкарнировать» самокат, надо «совершенствовать» заводной автомобиль, надо... мало ли что надо Валерику. И вот на час раньше в дверях отец... Хорошо! Найдется для него работа.

3.

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

НЕЗАМЕНИМЫЕ ЗАМЕНИТЕЛИ

ЭКСКУРСОВОД держал фляжон с вязкой жидкостью. Густая масла, отливая янтарным блеском, стекала по стенкам опрокинутой бутылочки. Не было, пожалуй, ни одного человека, который услышав рассказ экскурсировода, не задергался бы в этом уголке павильона Академии наук.

— Виниловый эфир, из которого мы получили этот полимер, обладает бесконечной гаммой свойств и качеств. И сырья этого у нас так много, что мы в состоянии удовлетворить любую потребность в этом препарате внутри страны и за рубежом. «Бальзам Шостаковского» — так называют эту жидкость.

— Раньше, кажется, ее называли иначе? — спросил мужчина, стоявший рядом с экскурсироводом. — Это не винил?

— Раньше ее называли винилип, — подтвердил экскурсировод.

Мужчина вздохнув сказал:

— В госпитале меня спасли с помощью этого препарата...

Теперь уже не экскурсировод, а экскурсант оказался в центре внимания. Он назвал себя: Трофим Игнатьевич Черненко. Живет под Туапсе. А в ту далекую пору, которую напомнил ему этот стенд павильона ВДНХ, он был танкистом на Воронежском фронте. Обожженного, его вытащили из подбитого танка. О таких, как он, говорили: живой факел. Брас госпитала Виктория Авансенова Авакова возвратила его к жизни. Танкиста приезжали смотреть врачи из других госпиталей, и Черненко слышал, как все они прошли у Аваковой «хоть чуточку, хоть капельку жидкости»...

Много позже, когда сотни обмороженных и обожженных были спасены винилипом, кто-то из благодарных фронтовиков назвал эту терпкую тягучую жидкость бальзамом. Так с легкой руки русского солдата она и зовется во всем мире.

...Опережая мои вопросы, профессор Михаил Федорович Шостаковский рассказал историю открытия бальзама.

Экспериментатор заметил необыкновенное свойство полимера — он не высыпал, не вспрел. Опыты, проводившиеся в нескольких клиниках страны, подсказали самое неожиданное: медленно и плохо зажившие раны — замазанные этой жидкостью — быстро зарубцевывались.

Хирург Захарий Федорович Шостаковский, брат профессора, внимательно следил за заживлением. Никаких следов раны! Еще два, три, десять опытов и работники клиники упаковывают колы с удивительной жидкостью, едут в первый попавшийся на их пути фронтовой госпиталь.

«Если этот стимулятор так стремительно восстанавливает травмированную кисть, — рассуждал хирург Шостаковский, — не поможет ли он закреплению ран внутри организма? Не зарубует ли лекчебный полимер язву желудка, двенадцатиперстной кишки?»

Раньше, кажется, ее называли винилип, — спросил мужчина, стоявший рядом с экскурсироводом. — Это не винил?

— Раньше ее называли винилип, — подтвердил экскурсировод.

Мужчина вздохнув сказал:

— В госпитале меня спасли с помощью этого препарата...

Теперь уже не экскурсировод, а экскурсант оказался в центре внимания. Он назвал себя: Трофим Игнатьевич Черненко. Живет под Туапсе. А в ту далекую пору, которую напомнил ему этот стенд павильона ВДНХ, он был танкистом на Воронежском фронте. Обожженного, его вытащили из подбитого танка. О таких, как он, говорили: живой факел. Брас госпитала Виктория Авансенова Авакова возвратила его к жизни. Танкиста приезжали смотреть врачи из других госпиталей, и Черненко слышал, как все они прошли у Аваковой «хоть чуточку, хоть капельку жидкости»...

Чтобы там ворожиль в тени молчали... Война давно закончена, можно поработать спокойнее.

Нет, нельзя! В клиниках, где работает Захарий Федорович, в шкафах папки с письмами, запрашами, благодарностями.

«Вы спасли моего отца, — пишет из Афин Эммануэль Дмитриадис. — Ни кто не мог ему помочь до вас». «Впервые за пятнадцать лет я почувствовал облегчение», — пишет Климент Шулман из Флориды (США). — Это наступило в те дни, когда я начал принимать бальзам». Джевенини Эверисто из Болоньи приспал не только благодаряность, но и письменную признательность своего врача, который приложил два рентгеновских снимка: один, сделанный до приема бальзама, другой — после. Письма из Бенгалии, Туниса, Исландии, Польши, из Цейлона, из Болгарии, Канады. Из восемидесяти шести стран. Кто может работать «сплошной»?

— Но вот что удивительно, — рассказывает хирург. — Я вижу по письмам, которые получаю из многих городов Союза, что есть еще такие врачи, которые совершили не знают о существовании нового препарата. Врач в Болонье знает, а в Ленинграде многие врачи — нет. На заводе лежат невостребованные Минздравом тонны, а в аптеках не сидишь порой и грамма.

...Действующая модель производства бальзама Шостаковского — последняя новинка павильона Академии наук. Она собирает много посетителей, и в это воскресенье сотни людей слушали здесь объяснения одного из помощников профессора — Христофора Ивановича Кондратьева. Когда он спросил, есть ли вопросы, оказалось, что у всех один и тот же вопрос: где достать препарат?

— Занишите тогда наш адрес, — ответил Кондратьев, — постараюсь помочь.

Но помогать больным должны аптеки, а не лаборатория виниловых соединений, руководимая доктором химических наук, профессором М. Ф. Шостаковским.

Недавно профессор побывал в своем родном городе — Иркутске. Здесь много лет назад он окончил школу, университет. В Иркутске он будет руководить большим научным центром, который уже строится. На плenumе обкома КПСС Михаил Федорович сказал:

— Синтетические материалы у нас сейчас называются заменителями. На самом деле они часто являются незаменимыми материалами...

Я вспомнил об этих словах Шостаковского, когда встретился недавно с профессором Дмитрием Дмитриевичем Лебедевым. Виднейший советский писатель вряд ли знал об этом выступлении Шостаковского в Иркутске, когда говорил, что «к нам на помощь пришел химик со своим незаменимым спасительным средством».

На заседании, где присутствовали крупные представители медицинской комендантской в Казахстане, в Сибири.

Там можно встретить людей, приехавших на работу и постоянное жительство из Белоруссии, Молдавии, Татарии, Украины. Но в местных книжных магазинах нет произведений литературы на их родном языке. Мне кажется, что во всех крупных промышленных и культурных центрах страны необходимо наладить продажу книг, издаваемых в союзных республиках. Да и не только книги! Потому, например, в книжках «Союзпечати» на вокзалах, на коридорах не продаются украинские и белорусские иллюстрированные журналы, завоевавшие симпатии всесоюзного читателя киевской «Перекрестья»!

Книготоргующим организациям по силе эта общественно-полезная задача, ведь у них есть немалый опыт торговли книгами и периодическими изданиями стран народной демократии.

Анатолий ХОРУНЖИЙ, писатель

КИЕВ

ной перестрелки между двумя группами пыльных охотников.

Хорош был бы адвокат, если бы он согласился со своим подзащитным и просил суда лишить смягчения наказания, вместо того чтобы добиваться щадительной пропорции всех обстоятельств дела!

В УГОЛОВНОМ судопроизводстве есть одно довольно сложное положение, которое не всегда понимается правильно.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Особое внимание привлекают к себе деятельность адвокатов, выступающих защитниками по уголовным делам. Но внимание это, скажем прямо, далеко не всегда оказывается сочувственным.

Характерно, что в большинстве статей фельетонов, заметок, которые появляются на страницах газет, речь идет только о недостатках в адвокатской практике, о неудачных выступлениях по тем или другим делам, о применении неправильных способов защиты. Рассказывается о том, как адвокаты стараются выгородить заведомых преступников, вводят суд в заблуждение, искашают истину и т. п. Может создаться впечатление, будто существует целая организация людей, специально привезенная не содействовать правосудию, а противодействовать ему, не охранять законность, а поощрять ее нарушителей.

Чем же вызвано такое неправильное отношение к адвокатуре, такая оценка ее деятельности?

Одна из причин — недостаточно знание общественности с зачатками и спе-

цифическими свойствами работы защитников. Поэтому приходится, чтобы бы было, проследить основные принципы защиты в уголовном судопроизводстве.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Наше законодательство, глубоко гуманное и демократичное, исходит из того, что каждый преступник должен быть изобличен и наказан, но в то же время ни один невиновный человек не должен подвергаться незаслуженному осуждению. Для этого надо обеспечить обвинению возможность квалифицированной юридической защиты.

Дмитрий ГУЛИА,
народный поэт Абхазии

СТАРИКУ

Пускай все люди говорят —

ты стар, Колени слабые, и сгорбленный ты

стал. Ну, а в глаза твои те люди заглянули

И убедились, как зрачки свернули,

Когда ты в дали взором залетал?

Все говорят, дружище, про года.

А сердце слышали они твое? Нет или

Конечно, нет!

Горит огонь нетленный,

Ты проникаешь мыслю дерзновенной,

Как острою ракетой, — в глубь

вселенной.

Где и твоя звезда горит, твоя звезда!

Пусть люди говорят,

Что стар,

Колени слабые, и сгорбленный ты

стал.

Ну, а в глаза твои те люди заглянули

И убедились, как зрачки свернули,

Когда ты в дали взором залетал?

Все говорят, дружище, про года.

А сердце слышали они твое? Нет или

Конечно, нет!

Горит огонь нетленный,

Ты проникаешь мыслю дерзновенной,

Как острою ракетой, — в глубь

вселенной.

Где и твоя звезда горит, твоя звезда!

Пусть люди говорят,

Что стар,

Колени слабые, и сгорбленный ты

стал.

Ну, а в глаза твои те люди заглянули

И убедились, как зрачки свернули,

Когда ты в дали взором залетал?

Все говорят, дружище, про года.

А сердце слышали они твое? Нет или

Конечно, нет!

Горит огонь нетленный,

Ты проникаешь мыслю дерзновенной,</p

ТВОРЧЕСКАЯ молодежь ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Создавая своих героев, художник всегда занимается по отношению к ним определенную позицию — это то, что Шедрик очень точно определяет как «необходимость относиться к явлениям жизни под тем или иным углом зрения...»

В рассказах Николая Грибачева, вошедших в сборник «Августовские звезды», отчетливо выражены взгляды писателя на народную жизнь, его отношение к разнообразным явлениям советской действительности. Причем позиция эта очень высока. Ее можно даже назвать господствующей, потому что она позволяет хорошо видеть все стороны жизни. Эта позиция дает писателю возможность показать глубоко не только положительное в нашей повседневности, но и отрицательное (на чем чаще всего и спотыкаются иные литераторы). Писатель правильно видит в наших недостатках только отдельные извращения, совершаемые отсталыми или чужими людьми.

В соответствии со всем этим разрешаются конфликты рассказов Н. Грибачева: одни персонажи утверждаются, другие — подвергаются осуждению, острому осмеянию, третьи — гневному бичеванию и т. д.

Три молодых воина — Поздняк, Перелазов и Стригунов — заняли оборону на берегу Дона (рассказ «Кто умрет сегодня...»). На этом небольшом участке они должны стоять насмерть. Три человека, три разных характера, — как поведут они себя в решительную минуту вражеского нападка, особенно Поздняк, который еще не был ни в одном бою?

Поначалу у автора как будто бы одинаковое отношение к героям, хотя суждения Стригунова и насторожают читателя. Что в этих его суждениях — только юмор, количество натуры или нечто другое, дурное? До поры до времени можно думать так и эдак, ибо, приспособившись, они остаются «бойцами-единомышленниками» — «вместе они неслись в микроскопической щели земного шара, не подозревая, что через несколько часов жизнь подведет трагический итог их маленьким, незаметным миру симпатиям, ссорам и разногласиям...». Но в решительную минуту Стригунов оказывается предателем. Он бежит к фашистам. И если, как изменника, убивает Поздняка. На этой земле «уже не было Константина Стригунова, а Степан Поздняк присоединился к стеклу окна и заплакал, — от того, что первого на войне убил не кто-нибудь, а своего...»

Своего ли? В ответе на этот вопрос — отчетливая позиция автора: «И, может быть, он (Поздняк, — И. Н.) жаловался и тосковал вслух, потому что сквозь всхлипы до его сознания начали доходить рожденные в муке слова Перелазова:

— Это все равно... Прошел десять метров не в ту сторону — и все равно...»

Десять метров в врагу и — предательство. Позиция автора в рассказе — высокая: здесь чрезвычайно сильно утверждение нашего гуманизма, и это особенно подчеркивается тем, что предатель Стригунова убил не кто-нибудь, как Поздняк — сама справедливость.

В любом из рассказов сборника «Августовские звезды» отчетливо видна авторская позиция: через трудности — к торжеству передового, к утверждению красоты нашей социалистической жизни!

Но если у писателя высокая цель:

составляющие его близкое окружение. Конечно, неправильно ругать писателя за то, что отрицательные героя у него не дураки. Карьрист наилучший должен быть по крайней мере умен, должен хорошо и быстро ориентироваться в людях и мгновенно, порой буквально на лету, вырабатывать соответствующую тактику.

Все это, повторяю, так. Но вот что плохо. Люди, олицетворяющие собой положительное, передовое начало в армии, то есть начало главное, в количественном отношении малочисленнее своих антиподов, а в качественном — слабее их. Ни одному из положительных героев не хватает сильного характера, перед которым карьерист, пусть и в генеральском мундире, казалась бы пылким. Основному противнику Бельского, майору Федорову, автор приписал столько жертвенности, что он выглядит больше мучеником, чем борцом.

Критики, спрашивали отмечавшие реальные недостатки романа «Времена и люди», говорили, что корень их в неверном распределении добра и зла, на что их противники возражали: как, вы требуете дозировки? Разве не ясна для вас авторская позиция осуждения белых? Конечно, смешно подозревать А. Розена в сочувствии карьеристам и приспособленцам. Он борется за прогрессивное. Но эта его позиция больше потенциальная, чем реальная. Писатель подвел именно то, что иные выдают за «дозировку», но что в действительности ею не является.

А ВТОРСКАЯ идея может быть вымытой, — это означает, что позиция писателя не четка. Социалистический идеал нашей литературы един, но он не исключает разнообразия художнических манер, творческих индивидуальностей.

Об авторской позиции надо судить, исходя из утверждаемого писателем идея, принимая во внимание общую идейно-художественную структуру произведения, не только отдельные образы, ситуации, реплики, вырывавшие из образного строя, причем толкуя порой не только субъективно, но и предвзято.

И Н. Грибачев и В. Некрасов тщательно оправдывают свое здравия: от творчества она уводят к ремесленничеству. Но всегда ли мы обоснованно прибегаем к этому страшному термину «дозировка»? Не пускаем ли мы его в ход там, где надо применить нечто совсем иное?

Когда же Сеняка — ярко-красного, ярко-белого, ярко-желтого — и вместо очарования, которым должна пленять нас музыка, фальшивы; когда же не краски на картине — и утратят гармонии. Услаждение положительного начала в произведении, где соотношение света и тени смешено в сторону преобладания тени, восстановлено либо по соотношению хорошего и плохого, которое есть в объективной действительности и которое, по ряду причин, оказалось у художника нарушенным. Произведение верно ли отразило жизнь? Но, сибиряк же, совсем не в этом — пафос рассказа.

Кто такой Сеняка? Можно просто считать его самострелом, — а он действительно подпадает под эту категорию, — и не увидеть все остальное. Тогда идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автора, безусловно, должна подлежать самому резкому осуждению.

Но как можно игнорировать это «все остальное», когда оно в рассказе (в художественном произведении, а не в пропаганде) вызывает интереса и восхищения?

Идеяная позиция автор

